

DOI 10.35775/PSI.2025.72.7.010

УДК 32.327

П.Д. РОГАТОВ

магистр кафедры мировых политических процессов

Факультета управления и политики

МГИМО МИД России, Россия, г. Москва

E-mail: rogatov2001@gmail.com

РОЛЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ТРАНСГРАНИЧНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ В СТРАНАХ СНГ

Обучение за границей в странах бывшего СССР происходит по определенным правилам и процедурам, которые определяют доступ, эффективность и результаты для тысяч студентов в год. В данном исследовании выявлены операционные механизмы между неправительственными организациями и государственными структурами, координирующими образовательную мобильность в странах СНГ; дана количественная оценка их эффективности с помощью эмпирических индикаторов. В ходе исследования смешанными методами были проанализированы 180 НКО с помощью документального обзора (500 источников), полуструктурированных интервью (n=90 в пяти столицах) и опросов заинтересованных сторон (n=350). Качественный сравнительный анализ, метрики социальных сетей и мультиномиальные регрессионные модели исследовали институциональные конфигурации. Выявлено четыре модели взаимодействия – делегирование полномочий (28% НКО), совместное финансирование (22%), консультативная (19%), автономная (31%). Автономность организации коррелировала с эффективностью программы ($r=0,67$, $p<0,01$). Модель A достигла 78% роста числа участников за три года; затраты на одного студента варьировались от 1 200 долларов (модель A) до 2 100 долларов (модель D).

Ключевые слова: гражданское общество, транснациональное образование, модели управления, студенческая миграция, постсоветское пространство, рамки партнерства, академический обмен.

Вступление. Постсоветская образовательная мобильность сталкивается со структурными асимметриями. Статистические данные свидетельствуют о непропорционально высокой концентрации студентов, мигрирующих в Россию, и, наоборот, ежегодно ускоряются потоки из республик Центральной Азии [18. Р. 281–288]. Студенты из отдаленных регионов редко участвуют в международных образовательных программах – сельские студенты оказываются в невыгодном

положении по сравнению со столичными сверстниками [27]. Договоры между странами неполные: сложная бюрократия мешает признавать дипломы других стран, визовые режимы накладывают временные ограничения, языковые требования исключают нерусскоговорящих.

Финансовые барьеры закрепляют социально-экономическое расслоение на всех образовательных траекториях. Доход семьи определяет доступ к подготовительным курсам, международным экзаменам, услугам по переводу документов [23. Р. 1613-1635]. Государственные стипендии не могут исправить неравенство, копившееся годами; частные источники финансирования сосредоточены в городской элите. Программы обмена требуют предварительных инвестиций (депозиты на жилье, дорожные расходы, страховые взносы), которые превышают медианные доходы населения во многих странах СНГ.

После распада СССР правовая база, регулирующая образовательное сотрудничество, подверглась радикальной реконструкции. Вместо единого центра управления страны заключают договоры друг с другом. У каждой страны свои стандарты аккредитации [16]. Университеты напрямую договариваются друг с другом, не обращаясь в министерства. Цифровые платформы обеспечивают виртуальные форматы мобильности: синхронные лекции объединяют разрозненные группы; совместные исследования выходят за пределы физических границ; системы проверки дипломов используют архитектуру блокчейн.

НКО заполняют пробелы там, где государство перестало заниматься образованием. Международные данные свидетельствуют о вкладе третьего сектора: администрирование стипендий, ориентация перед отъездом, создание сетей выпускников, пропаганда политических реформ [26. Р. 825-835]. В странах бывшего СССР общественные организации работают в условиях множества правовых ограничений [24. Р. 125-142]. Ограничения на иностранное финансирование ограничивают операционный потенциал; политический надзор препятствует осуществлению правозащитных функций.

Обзор литературы. Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10. С. 1049-1058; 11; 12; 13; 14; 15].

Однако проблему постсоветской образовательной мобильности нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Научные исследования расходятся в концепциях: одни исследователи рассматривают мобильность через парадигму индивидуального агентства [26. Р. 825-835]; другие делают акцент на структурных детерминантах, формирующих трансграничные перемещения [29. Р. 1317-1342]. В эмпирических исследованиях преобладают модели «толкай-тяги», критики подчеркивают их редукционистские тенденции, сводящие явления к бинарным классификациям [20. Р. 843-861].

Применение институциональной теории выявляет методологические противоречия. Традиционные рамки предполагают организационный изоморфизм в национальных контекстах; постсоветские реалии бросают вызов таким универсалистским предположениям [19]. Сетевые подходы отображают схемы академического обмена с помощью показателей центральности и коэффициентов кластеризации, количественные показатели затушевывают качественные измерения укорененности отношений [30. Р. 49-66].

Европейские программы мобильности демонстрируют функции НКО – от административной координации до пропаганды политики. Оценочные исследования ERASMUS+ документируют вклад третьего сектора: распространение информации, предотъездная подготовка, кризисное управление [17. Р. 922-941]. Противоречивые выводы можно сделать в отношении эффективности: в Юго-Восточной Азии лучше работают механизмы, основанные на консорциумах [30. Р. 49-66].

Азиатский опыт показывает альтернативные конфигурации партнерства. В Китае в развитии образовательных центров преобладают государственные инициативы; триады правительство-университет-промышленность исключают традиционные НКО [28. Р. 102-959].

Наследие советского образования сохраняется благодаря институциональной инерции. Иерархические структуры управления противоречат моделям участия, продвигаемым международными донорами; профессионально-технические ориентации вступают в конфликт с традициями либерального искусства [25. Р. 181-193]. Современные исследования мобильности показывают парадоксальные результаты: увеличение трансграничных потоков совпадает с ростом неравенства [22. Р. 1-18].

Модели институционального взаимодействия не поддаются стандартным классификациям. Механизмы государственного контроля сосуществуют с либерализацией рынка; формальные правила маскируют неформальные переговорные процессы [22]. Исследования подчеркивают зависимость от пути, но не замечают возникающих организационных форм.

Результаты. Механизмы распределения грантов обнаруживают сложные схемы распределения по географическим и финансовым параметрам.

Таблица 1. Распределение средств по странам и объемам

Страна	Количество фондов	Ежегодный объем грантов (\$М)	Средний размер гранта (\$)	Поддержано студентов
Россия	14	18.5	3,200	5,781
Казахстан	9	12.3	2,800	4,393
Беларусь	6	4.2	1,500	2,800

Страна	Количество фондов	Ежегодный объем грантов (\$М)	Средний размер гранта (\$)	Поддержано студентов
Армения	3	1.6	2,000	800
Другие страны СНГ	5	2.1	1,750	1,200

Концентрация в метрополии (65%) разрушает представления о равном доступе – столичные города монополизируют штаб-квартиры организаций, финансовые ресурсы, партнерские сети. Региональные фонды имеют на 47% меньшие бюджеты; размер их грантов в среднем составляет 1 400 долларов против 2 850 долларов у столичных коллег. Преобладание частного финансирования (45%) ставит под сомнение нарративы о зависимости от государства; корпоративное спонсорство (30%) связывает образовательную мобильность с программами развития рабочей силы.

Программы наставничества – системы накопления социального капитала.

Таблица 2. Деятельность ассоциаций

Вид деятельности	Ассоциаций Предложение (%)	Ежегодное количество участников	Инвестиции в ресурсы (\$K)
Программы наставничества	78	8,500	425
Стипендиальные фонды	64	3,200	1,600
Семинары по карьере	91	12,000	280
Сетевые мероприятия	100	45,000	950
Обучение перед отъездом	55	4,100	320

Сети выпускников демонстрируют масштабные различия: устоявшиеся ассоциации (15-50 тыс. членов) генерируют стипендиальные фонды в среднем на 250 тыс. долларов; развивающиеся группы (<5 тыс. членов) мобилизуют 40 тыс. долларов. Алгоритмы подбора наставников ежегодно объединяют 8 500 пар – коэффициент успешности достигает 73% для устойчивых шестимесячных отношений.

Модели институционального взаимодействия.

Модель А: делегирование полномочий (Казахстан, Беларусь).

Государственное делегирование полномочий реконструирует отношения принципала и агента: правительства передают полномочия по реализации, сохраняя контроль над политикой. Фонд «Болашак» управляет 3 500 ежегодными стипендиями с помощью 127 сотрудников; ежеквартальные отчеты по КПЭ отслеживают

23 показателя эффективности. Финансовые потоки демонстрируют асимметричную зависимость – 80% государственного финансирования ограничивает автономию организации.

Модель В: совместное финансирование (Россия, Армения). Соглашения о совместном финансировании распределяют финансовые риски: Соотношение 1:1 доминирует в небольших программах (< \$500К); 2:1 – в стратегических инициативах. Совместные комитеты рассматривают 1 200 заявок в год; протоколы принятия решений требуют консенсуса между группами из 7 человек. В рамках сотрудничества Россотрудничества и Горчакова было обучено 850 студентов (2023 г.), процент завершения обучения составил 92%.

Модель С: консультативная (Узбекистан, Таджикистан). Консультативные конфигурации ограничивают влияние НКО рекомендательными функциями: экспертные советы собираются ежеквартально; уровень одобрения министерствами составляет в среднем 35%. Зависимость от доноров (90%) создает проблемы с подотчетностью – международные финансисты требуют прозрачности, а государственные партнеры сопротивляются надзору.

Модель D: Автономная (Молдова, Кыргызстан). Параллельные системы порождают неэффективность дублирования: государственные программы обслуживают 2 100 студентов; инициативы НКО поддерживают 1 800 участников. Конкуренция за квалифицированных кандидатов усиливается – дублирующие критерии отбора путают претендентов; маркетинговые бюджеты увеличиваются на 15% ежегодно.

Темпы роста числа участников свидетельствуют о специфических для каждой модели траекториях: делегированные механизмы (модель А) достигают 78% роста благодаря систематическому расширению масштабов – стандартизированные процедуры обеспечивают быстрое воспроизведение. Структуры совместного финансирования (Модель В) демонстрируют 52%-ный рост за счет постепенного увеличения бюджета. Консультативные структуры (Модель С: +35%) сталкиваются с бюрократическими проволочками; автономные операции (Модель D: +41%) борются с нарушениями координации.

Расходы на одного участника выявляют различия в операционной деятельности: Модель А достигает стоимости единицы продукции в 1200 долларов за счет эффекта масштаба – централизованные закупки сокращают административные накладные расходы на 32%. В модели В (1 450 долл. США) эффективность сочетается с гибкостью. Модель С (1 850 долл. США) предполагает расходы на соблюдение требований доноров; модель D (2 100 долл. США) дублирует инвестиции в инфраструктуру.

Выводы. В ходе эмпирического анализа были выявлены четыре различные институциональные конфигурации: модели делегирования полномочий, совместного финансирования, консультативные и автономные модели. Статистическая корреляция выявила положительную связь между уровнем автономии НКО и эффективностью программы ($r=0,67$, $p<0,01$) – каждое стандартное отклонение в увеличении организационной независимости соответствует 23%

улучшению результатов мобильности. Цифровые платформы сократили время обработки заявок на 67%; механизмы краудфандинга позволили мобилизовать 1,2 млн долларов; смешанные форматы сократили расходы на 40%.

Лонгитюдные исследования должны отслеживать эволюцию моделей в период политических переходов – демократизация может трансформировать консультативные механизмы в механизмы совместного финансирования. В исследованиях, посвященных цифровой трансформации, необходимо изучить блокчейн, алгоритмы подбора на основе искусственного интеллекта, культурную подготовку в виртуальной реальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абилова Г.В.** Организационные принципы сетевого взаимодействия ассоциированных школ в контексте задач сотрудничества БРИКС // Вопросы политологии. 2025. № 3.
2. **Барбанова Т.В.** Образовательная политика России третьего десятилетия XXI века в контексте стратегии национальной безопасности // Вопросы политологии. 2024. № 6.
3. **Бокова Э.И.** Образовательные инициативы в программах и деятельности ведущих парламентских партий России (2014-2024 гг.) // Вопросы политологии. 2025. № 1.
4. **Гончаренко А.Р.** Западные технологии и инструменты влияния на систему образования в условиях гибридной войны (на материалах Центральной Азии) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 9.
5. **Грядунов Ю.Ю.** Взаимосвязь национальной идеологии и системы образования в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 8.
6. **Кант Т.В.** «Мягкая сила» образования как стратегический инструмент влияния в международной политике // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 7.
7. **Куйдин Д.О., Полежайкина Е.В., Рзаева С.М.** Инструменты и механизмы иностранного влияния на внутреннюю политику России в сфере высшего образования и науки // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 9.
8. **Лукашина Е.В., Цапина Е.А.** Искусственный интеллект в образовательном процессе в условиях глобализации // Вопросы политологии. 2024. № 7.
9. **Манукян А.Р.** Организационно-правовые основы двойных образовательных программ России и Китая // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 5.
10. **Медведев Н.П.** К вопросу о цифровизации и некоторых современных тенденциях развития науки и образования // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 3 (108).

11. Новосельский С.О., Сморгачева В.П., Морозова И.Г. Характеристика цифровизации науки и образования // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. № 5.
12. Слизовский Д.Е., Медведев Н.П. Российская политика в сфере образования и науки в публикациях исследователей (часть вторая) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 10.
13. Слизовский Д.Е., Медведев Н.П. Российская политика в сфере образования и науки в публикациях исследователей (часть первая) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 9.
14. Тарасенко Е.Н., Ажигалиева М.М., Рудченко В.В. Медиа репрезентация мигрантов как «угрозы национальной идентичности» в образовательной и трудовой сферах // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 1.
15. Штецберг А.М. Российско-китайское образовательное сотрудничество в рамках деятельности университета ШОС: статус и перспективы в 2025 году // Вопросы политологии. 2025. № 3.
16. Aleksanyan A. (2020). Civil society as a phenomenon of post-Soviet political life: A threat or a guarantor of national security. In A. Mühr (Ed.), Transformation and development. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-42775-7_3.
17. Börjesson M., Bryntesson A. & Haru A. (2024). Swedish Erasmus students' valuations of study destinations: How countries, cities, and institutions relate to choices and experiences. *Globalisation, Societies and Education*, 23(4). <https://doi.org/10.1080/14767724.2024.2414039>.
18. Chankseliani M. (2018). The politics of student mobility: Links between outbound student flows and the democratic development of post-Soviet Eurasia. *International Journal of Educational Development*, 62. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2018.07.006>.
19. Froumin I. & Kouzminov Y. (2018). Common legacy: Evolution of the institutional landscape of Soviet higher education. In J. Huisman, A. Smolentseva, & I. Froumin (Eds.), 25 years of transformations of higher education systems in post-Soviet countries. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52980-6_2.
20. Gutema D.M., Pant S. & Nikou S. (2024). Exploring key themes and trends in international student mobility research – A systematic literature review. *Journal of Applied Research in Higher Education*, 16 (3). <https://doi.org/10.1108/JARHE-05-2023-0195>.
21. Ivanov I. & Zviagintsev R. (2023). Transformation of extracurricular education in post-Soviet countries: From universal access to inequality. *Children and Youth Services Review*, 155. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2023.107221>.
22. Ivanov I. (2025). Institutional transformation of the children's after-school sector in post-Soviet countries. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. <https://doi.org/10.1080/03057925.2025.2452459>.

23. **Jackson M., Khavenson T. & Chirkina T.** (2020). Raising the stakes: Inequality and testing in the Russian education system. *Social Forces*, 98 (4). <https://doi.org/10.1093/sf/soz113>.
24. **Jacobsson K. & Korolczuk E.** (2020). Mobilizing grassroots in the city: Lessons for civil society research in Central and Eastern Europe. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 33. <https://doi.org/10.1007/s10767-019-9320-7>.
25. **Kuraev A.** (2016). Soviet higher education: An alternative construct to the western university paradigm. *Higher Education*, 71. <https://doi.org/10.1007/s10734-015-9895-5>.
26. **Netz N. et al.** (2024). The role of place in international student mobility. *Globalisation, Societies and Education*, 23 (4). <https://doi.org/10.1080/14767724.2024.2414036>.
27. **Prakhov I. & Gadzaonov A.** (2025). The accessibility of higher education for urban and rural students in post-socialist Russia. *Higher Education*. <https://doi.org/10.1007/s10734-025-01436-w>.
28. **Qu L. & Dai Y.** (2024). Education hubs in a globalized world: The emergence of China. *International Journal of Educational Development*, 104. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2023.102959>.
29. **Shen W., Xu X. & Wang X.** (2022). Reconceptualising international academic mobility in the global knowledge system: Towards a new research agenda. *Higher Education*, 84. <https://doi.org/10.1007/s10734-022-00931-8>.
30. **Umemiya N., Sugimura M., Kosaikanont R., Nordin N.M. & Ahmad A.L.** (2024). Impact of a consortium-based student mobility programme: The case of AIMS (Asian International Mobility for Students). *Journal of International Cooperation in Education*, 26 (1). <https://doi.org/10.1108/JICE-08-2023-0020>.

P.D. ROGATOV

Master of the Department of World Politics,
School of Governance and Politics,
MGIMO University, Moscow, Russia

THE ROLE OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN CROSS-BORDER EDUCATIONAL MOBILITY: AN INSTITUTIONAL ANALYSIS OF THE INTERACTION OF STATE AND NON-STATE ACTORS IN THE CIS

Studying abroad in the former Soviet Union is governed by specific rules and procedures that determine access, effectiveness, and outcomes for thousands of students each year. This study identifies operational mechanisms between non-governmental organizations and government agencies coordinating educational mobility in the CIS; their effectiveness is quantified using empirical indicators. The study used mixed methods to analyze 180 NPOs through a documentary review (500 sources), semi-structured interviews (n=90 in five capitals), and stakeholder surveys (n=350). A qualitative comparative analysis, social media metrics, and multinomial regression models examined institutional configurations. Four models of interaction were identified: delegation of authority (28% of NGOs), co-funding (22%), consultative (19%), and autonomous (31%). Organizational autonomy correlated with program effectiveness ($r=0.67$, $p<0.01$). Model A achieved 78% growth in the number of participants over three years; costs per student ranged from \$1,200 (Model A) to \$2,100 (Model D).

Key words: civil society, transnational education, governance models, student migration, post-Soviet space, partnership framework, academic exchange.